

11. Скалон В. Н., Тарасов П. П. О роли кедра в жизни таежных зверей и птиц//Уч. зап. Монгольского гос. ун-та. Т. 2. Вып. 3. Улан-Батор, 1946.

12. Юргенсон П. Б. Биологические основы охотничьего хозяйства в лесах. М.: Лесная промышленность, 1973. 176 с.

13. Янушко П. А. Образ жизни крымских оленей и их влияние на естественное лесовозобновление//Тр. Крымского госзаповедника. Т. IV. Симферополь, 1957. С. 107—138.

14. Ярошенко П. Д. Геоботаника. М.: Просвещение, 1969. 200 с.

УДК 631.17

Н.И.Литвинов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРИОФАУНЫ ЮЖНОЙ ЧАСТИ БАЙКАЛЬСКОЙ ВПАДИНЫ

Байкальская впадина состоит из котловины самого озера, Верхне-Ангарской долины на севере, Тункинской долины и оз. Хубсугул на юге, Баргузинской долины на северо-востоке. Байкал и перечисленные впадины связаны общностью происхождения и возникли одновременно (Ламакин, 1968).

Южная часть Байкальской впадины, в которую входят юг западного побережья озера, Тункинская долина и котловина Хубсугула (см. рис.), в большей своей части не имеют территориальной связи с зональными степями Монголии, однако степная растительность занимает здесь заметное место. Это побудило нас проанализировать особенности териофауны южных котловин Байкальской впадины (Байкальской рифтовой зоны) с целью выяснения места в ней степных элементов и их происхождения.

Правомерность выделения этой территории как некоей естественной единицы, кроме общности происхождения, подтверждается тем, что в системе ботанико-географического районирования Байкальской Сибири юг западного побережья Байкала и Тункинская котловина отнесены к одному Южно-Прибайкальскому горнолесостепному округу и выделены соответственно в Ольхонский и Мондинский районы (Пешкова, 1972). Думаем, что и котловину оз. Хубсугул как крайнее южное звено цепи Байкальских котловин вполне уместно рассмотреть в ряду названных.

В южную часть западного побережья Байкала мы включаем склоны Приморского хребта (главным образом, обращенные к озеру) от южной оконечности и примерно до района с. Большое Кочериково на север и прибрежную полосу степей и лесостепей в этих же границах. К этому же участку мы относим о-в Ольхон и острова Малого Моря.

Склоны Приморского хребта покрыты светлохвойными и смешанными лесами. Кедр, ель и пихта занимают в них небольшое место. Темнохвойные ассоциации встречаются в северной части

хребта, над побережьем Малого моря. В подгольцовом поясе здесь кедрово-пихтовые и сосново-лиственничные парки и заросли кедрового стланика.

У подножья Приморского хребта от устья р. Бугульдейки и примерно до устья р. Сармы тянется степь (или точнее лесостепь). Местами степные участки довольно широки (Тажеранская степь), местами суживаются до 2—3 км. Почти повсюду здесь обычны выходы коренных пород. Преобладающими в этих степях являются различные варианты злаковых—вздутоплодниковые, полынные, пижмовые формации. На высоте 900 м по склонам Приморского хребта появляется лесная растительность, представленная здесь лиственничниками травянистыми (Дылис и др., 1965, Швецов и др., 1975). Небольшие лиственничные рощи встречаются среди степей и на меньших высотах, в том числе и на уровне Байкала, как, например, по берегам залива Мухор.

Доминируют в териофауне лесные виды. Это территория с высокой численностью марала *Cervus elaphus*, косули *Capriolus pygargus*, медведя *Ursus arctos*, рыси *Felis lynx*, встречается кабан *Sus scrofa*. Обычны здесь таежные эндемики — росомаха *Gulo gulo*, соболь *Martes zibellinae*, кабарга *Moschus moschiferus*, красно-серая полевка *Clethrionomys rufocanus*, лесной лемминг *Myopus schisticolor*. Характерна бедность высокогорной фауны. Настоящим горным видом здесь можно считать лишь большеухую полевку *Alticola macrotis*, обнаруженную в этих местах автором (Литвинов, 1958). По берегам некоторых рек обычна водяная крыса *Arvicola terrestris*, местами, как, например, в низовьях р. Сармы, достигающая высокой численности (Литвинов, 1978). Обитают здесь и малохарактерные для тайги виды, такие как темная полевка *Microtus agrestis*, полевая мышь *Apodemus agrestis*, сибирский крот *Asioscalops altaica* (Литвинов, 1960; Швецов, Литвинов, 1967).

Ольхон служит прямым продолжением Прибрежно-Ольхонских гор, от которых отделен поперечным сбросом, образовавшим узкий пролив — Ольхонские ворота. От Приморского хребта остров отделен Малым морем. Острова южной части Малого моря — водораздельные горки, поднимавшиеся когда-то между речными падами. Они остались над водой после погружения южного угла Малого моря, что произошло в четвертичном периоде (Ламакин, 1968).

Большая часть Ольхона покрыта светлохвойными лесами, среди которых преобладают сосновые. Северная опушка ольхонских лесов преимущественно лиственничная. Южная часть Ольхона, а также самая северная его конечность заняты степями.

Степи западного берега Байкала и Ольхона — реликт простиравшихся гораздо севернее, чем теперь, монгольских зональных

степей. На это указывал еще Я. П. Преин (1894), а в дальнейшем и многие другие исследователи. Большинство авторов датируют распространение здесь степей концом третичного периода (Литвинов, 1962).

Большая часть территории маломорских островов покрыта степной растительностью. Растительные сообщества островов представляют формации трех подтипов степей — это горные, настоящие и луговые. На островах Угунгой, Зумугой и Боракчин встречаются куртины и небольшие заросли кизильника. На северных склонах этих островов — заросли рододендрона даурского. Значительная часть северного склона о-ва Угунгой, судя по сохранившимся древесным корням и пням, была занята рододендроновым лиственничником из *Larix czcekanowski*. До настоящего времени сохранилась лишь разреженная роща из нескольких десятков деревьев. На южном склоне этого острова несколько усыхающих осин, окруженных порослью. По краям береговых обрывов изредка встречаются шиповник и таволга (Петроченко, 1987).

Териофауна Ольхона отличается от териофауны материкового западного берега только отрицательными чертами. Из наиболее существенных дефектов укажем на отсутствие многих видов бурозубок, северной пищухи *Ochotona hyperborea*, летяги *Pteromys volans*, восточно-азиатской мыши *Apodemus reppinsulae*. Нет сомнения, что многие виды ранее обитали на Ольхоне, и, следовательно, можно говорить об обеднении его фауны. Так, в 40-х годах нашего столетия исчезла сибирская косуля, а в 60-х — марал, несколько позже — волк *Canis lupus* (Литвинов, 1982). Есть указания на то, что на Ольхоне когда-то обитал соболь (Монахов, 1966).

В Узурской пещере на Ольхоне мы нашли кости россомахи, северной пищухи, сурка, датируемые палеолитом, что свидетельствует о былом обитании этих видов на острове. Особый интерес представляет находка резцов сурка. Разумеется, по резцу определить видовую принадлежность нельзя, но есть основания полагать, что здесь обитал монгольский сурок *Marmota sibirica*. На Ольхоне нет биотопов, подходящих для жизни черношапочного сурка *M. camtschatica*, который обитает севернее описываемых мест в Байкальском хребте. Зато мест, пригодных для монгольского сурка, и на острове, и в Приольхонье достаточно.

На островах Малого моря млекопитающих совсем немного. Это водяная ночница *Myotis daubentonii*, лисица *Vulpes vulpes*, полевка-экономка *Microtus oesopotmus*, красно-серая полевка, ту-

Винская полевка *Alticola tuvinicus**. Наибольшее число видов — четыре — встречено на о-ве Малый Тойник, расположенном в километре от материкового берега. На остальных обитает по два—три вида. Бедность териофауны этих островов закономерна, ибо все они невелики по размерам и обладают скудным набором биотопов (Литвинов, 1982). Правда, отсутствие некоторых видов, таких как даурский хомячок *Cricetulus barabensis*, объяснить все-таки трудно. Он обычен на Ольхоне и на материковом берегу Малого моря, а на островах, расположенных в 400 м от Ольхона (Хубын) и в 1000—1200 м от материка (Малый Тойник, Боракчин), его нет.

Соседство тайги и степей в этом регионе наложило отпечаток на состав териофауны. Примечательной ее чертой является присутствие ряда степных видов. Наибольший интерес представляет обитание на Ольхоне, островах Малого моря и в Приольхонье тувинской полевки. Это изолированный участок ареала вида, обитающего в Монголии и Туве. Нигде больше в Прибайкалье тувинская полевка не встречается.

Обычны здесь длиннохвостый суслик *Citellus undulatus*, даурский хомячок, светлый хорь *Mustella eversmanni*. Отметим, что даурских хомячков с Ольхона мы отнесли к монгольскому подвиду *S. b. grisius*. Говоря о степных элементах в фауне описываемого района, нельзя не упомянуть о том, что на Ольхоне и в Приольхонье изолированный участок ареала монгольской жабы *Bufo gaddei* (Литвинов, 1977). Другой такой участок находится в устье р. Голоустной (Уникальные объекты..., 1990).

Наличие в составе фауны степных монгольских (центрально-азиатских) элементов, в особенности тувинской полевки и монгольской жабы — подтверждение реликтового характера биоты данного района.

Тункинская долина объединяет в себе Торскую, собственно Тункинскую, Туранскую и Мондинскую котловины (см. рис.). Перечисленные котловины заняты степями, которые «...вкраплены по межгорным понижениям в виде небольших «островов» среди покрывающих возвышенности лесов» (Дылис и др., 1965, стр. 256). Большая часть этих степей распахана.

Особенно хорошо изучена растительность Торской котловины — ей посвящена обстоятельная работа М. А. Решикова и М. П. Тарасова (1962), а в упомянутой сводке Н. В. Дылиса с соавторами приведена схема размещения растительности в котловине.

Здесь выделено в распределении растительности три пояса.

* Эта полевка была найдена здесь автором, отнесена к *Alticola argentatus* и описана в качестве нового подвида (Литвинов, 1960а). На основании ревизии подрода *Alticola*, О. Л. Россолимо и И. Я. Павлинов (1986) пришли к заключению, что наши полевки *Alticola tuvinicus*.

1. Высокогорный пояс начинается на Хамар-Дабане и на склонах Тункинских Альп на высоте 1700—1800 м. В нем выделяется альпийская полоса, которая особенно обширна в Хамар-Дабане, и представляет собой своеобразный парковый ландшафт с рощами кедра, чередующимися с кустарниковой тундрой, субальпийскими лугами, альпийскими лужайками. Выше границы леса, по щебнистым склонам, встречаются дриадовые подушечники, заросли можжевельника ложноказацкого, рододендрона Адамса. На вершинах гольцов обычна алекториевая тундра.

2. Лесной пояс, в котором выделены полосы темнохвойной кедровой тайги и светлохвойной тайги с господством сосновых лесов. Полоса темнохвойных лесов начинается на склонах северной экспозиции с высоты 800—900 м, а на южных — с высоты 1100—1300 м. В полосе светлохвойных лесов особенно характерна сосново-лиственничная формация, но кроме нее встречаются лиственничные леса и вторичные березняки. По долинам рек распространены узкие полосы еловых и тополево-еловых урем.

3. Лесо-луговой пояс — это нижний пояс гор и сами котловины с преобладанием травянистой растительности. Здесь встречаются степные участки, луга, кобрезиевые пустоши, кустарниковые болота. Значительные площади занимают кобрезиевые пустоши, в которых наряду с кобрезией присутствуют другие высокогорные виды. Настоящие степные формации сохранились небольшими участками по опушкам леса, на крутых южных склонах в лесу. Чаще других встречаются типчаковые степи, иногда змеево-мятликовая степь. Большие площади на пойменных террасах рек и вблизи озер заняты богаторазнотравными злаковыми и болотистыми осоковыми лугами (Решиков, Тарасов, 1962).

Интересно суждение М. А. Решикова и М. П. Тарасова (1962) о происхождении степной растительности Тункинской долины. Они считают доказанным лесное прошлое этого края, а проникновение степных растений из Северной Монголии и Тувы датируют голоценом.

Териофауна Тункинской долины изучена плохо, и мы здесь обратим внимание лишь на фауну собственно долины, почти не касаясь фауны окружающих хребтов.

Видовой состав млекопитающих Тункинской долины мало отличается от такового в других районах Прибайкалья. Из насекомых здесь отмечены: кутора *Neomys fodiens*, крошечная *Sorex minutissimus*, арктическая (тундровая) *S. tundrensis*, средняя *S. coecutiens*, малая *S. minutus* и обыкновенная *S. aganeus*, бурозубки; из рукокрылых водяная ночница. Среди грызунов главное место занимают полевки — красная *Clethrionomys rutilus*, красно-серая, экономка, обычна восточно-азиатская мышь, встречается мышь-малютка *Micromys minutus*, нередко водяная полев-

ка. В Восточном Саяне и Хамар-Дабане живет большеухая полевка, только в Восточном Саяне горный козел *Capra sibirica*, а на Хамар-Дабане северный олень *Rangifer tarandus*. Обычны, а местами и многочисленны белка *Sciurus vulgaris* и бурундук *Tamias asiaticus*. В сосновых борях и других светлохвойных лесах обычна сибирская косуля. Повсюду распространены волк, лисица, горностай *Mustella erminea*, заяц-беляк *Lepus timidus*, светлый хорь.

Особого обсуждения заслуживают особенности распространения даурского хомячка, узкочерепной полевки *Microtus gregalis* и тарбагана.

Даурский хомячок и узкочерепная полевка обычны в Мондинской котловине, но не встречены в Тункинской. Объяснить такое распространение чрезвычайно трудно, ибо за пределами Тункинской долины, в частности, в районе Иркутска, оба эти вида редкостью не являются (Литвинов и др., 1962; Литвинов и др., 1976).

Поселения тарбагана в районе с. Монды обнаружил Т. М. Иванов (1950). Он описал три колонии — две на левом берегу Иркуты и одну на правом, которые, по его мнению, ко времени написания работы перестали существовать. В одной из них тарбаганы уничтожены охотниками, в других двух исчезли по неизвестным причинам. Одна из левобережных колоний, ближайшая к Мондам, возникла после 1920 г. и просуществовала около 25 лет, вторая существовала еще в прошлом столетии. Правобережная колония возникла после 1939 г. Все три колонии образованы, по мнению Т. М. Иванова, тарбаганами, переселившимися из Монголии.

Мы уже писали о том, что вопреки уверенности Т. М. Иванова, по крайней мере, две из трех описанных им колоний существовали в 1965 г. (Литвинов, Тарасов, 1966), а одна из них, ближайшая к Мондам, оставалась обитаемой и в 1971 г. Мондинские колонии тарбагана самые северные в этой части ареала.

В настоящее время обычен и даже многочислен по всей Тункинской долине длиннохвостый суслик, обитает он и в мондинской котловине. Далее вниз по Иркуту он есть повсюду. Мы отмечали высокую численность зверька в окрестностях с. Смоленщина, обычен он в окрестностях Иркутска, есть в районе Большой и Малой Голоустной и, как было отмечено, далее по западному берегу Байкала. Однако Б. Дыбовский и В. Годлевский (1872) считали, что длиннохвостый суслик в их время не встречался по долине Иркуты, начиная от его устья и до улусов по правой стороне за селением Тункинским, а выше этого селения был обычным. Они считали, что суслик расселяется с верховьев Иркуты, и поэтому все пространство от с. Торы и вокруг Тункинского селения не заселено этим видом.

Котловина оз. Хубсугул — самая южная в Байкальской впадине. Озеро лежит на высоте 1645 м над уровнем моря, т. е. значительно выше уровня Байкала (455,7 м) и Тункинской долины (500 м).

В Прихубсугулье пять поясов растительности: горно-лесостепной, горно-лесной, подгольцовый, гольцовый и нивальный.

Горно-лесостепной пояс представляет собой типичные горные степи по южным склонам, прерываемые языками спускающихся по долинам лиственничников. Он занимает полосу шириной по вертикали 200—300 м на высоте 1650-1900 м над уровнем моря. К вершинам невысоких водоразделов и верхним частям крутых щебнистых склонов приурочены ленскоовсянищевые степи. По склонам различных экспозиций развиваются тонконоговые степи. Твердоватоосоковые степи характерны для нижних частей склонов. Луговые степи представлены тремя формациями — житняковыми, кистевидномятликовыми, сибирскоовсянищевыми степями.

Довольно широко распространены высокогорные луга с кобрезией Белларда, по долинам и днищам распадков располагаются безжилкоосоковые луга. Кроме того, отмечены мечелистноосоковые и настоящие луга.

Горно-лесной пояс слагается различного типа лиственничниками и расположен на высоте 1900—2100 м, а по северным склонам 1700—2100 м. Изредка встречаются кедровые леса, приуроченные к верхним частям склонов, несколько чаще — лиственнично-кедровые.

Подгольцовый пояс — это переход от лесного пояса к гольцовому. Он занимает полосу 50—100 м на высоте 2100—2200 м, растительность представлена здесь лиственничными рединами с кустарниковым подлеском из березы круглолистной.

Гольцовый пояс занимает основную часть высокогорий на высоте 2100—2900 м. Растительность представлена различными тундрами, преимущественно дриадовыми (Батраева и др., 1976).

В фауне Хубсугульской котловины можно выделить три териокомплекса — лесной, в который входят виды таежные и бореально-лесные, горный и степной.

В состав лесного териокомплекса входят крошечная, обыкновенная, и средняя бурозубки. Тундровая бурозубка является одним из доминирующих в населении мелких млекопитающих лиственничного леса видов. Обычна, а часто и многочисленна северная пищуха. Преимущественно речные долины, заросли кустарников и склоновые леса заселяет заяц-беляк. Повсюду встречаются белка и бурундук. Во всех типах леса обитают красно-серая и красная полевки. Немногочислен, но встречается в разных частях котловины лесной лемминг. Во влажных биотопах на лесных опушках, в подгольцовой и в горных тундрах обычна полевка-эконом-

ка. В лиственничных редицах подгольцового пояса, в ивняках, на прибрежных лугах, на лесных полянах, в горной тундре, на альпийских лугах и даже в степи встречается монгольская полевка *Microtus mongolicus*. В разных лесных биотопах отмечена восточно-азиатская мышь. Из хищных обычен, хотя и немногочислен медведь. Соболь в котловине Хубсугула редок, колоннок *Mustela sibirica* обычен. Росомаха чаще встречается в северо-западном углу котловины. Немногочисленна, но широко распространена по лесам рысь. Лесные парнокопытные представлены довольно хорошо. Повсюду на побережье озера и в горах обитает кабан. Немногочисленны, но довольно широко распространены кабарга, сибирская косуля. Обычен марал, довольно редок лось.

Горный териокомплекс образуют большеухая полевка, горный козел, красный волк *Canis alpinus*, северный олень.

Довольно велико количество видов, которые могут быть отнесены к степному комплексу. Это распространенный до самой северной оконечности Хубсугула заяц-толай *Lepus tolai*, обитающая в южной части котловины даурская пищуха *Ocnotona daurica*. Широко по степным падам и склонам гор распространены тарбаган. Самое северное из известных нам поселений в Хубсугульской котловине, расположено на крутых каменистых склонах долины р. Баян-Гол. Оно же, наверное, ближе всего к Мондинской котловине. По всей вероятности, в прошлом сурок заселял все пространство от берега Хубсугула, в районе Турты, до границы с СССР (Сафонова, Некипелов, 1975) и, следовательно, был чуть ли не на самом краю Мондинской котловины. Численность тарбагана во всей котловине Хубсугула очень низка, а поселения разрознены. В южной части Хубсугульской котловины на восточном берегу озера обитает тушканчик-прыгун *Allactaga sibirica*. В северной части котловины обычна тувинская полевка, а в южной — хангайская *Alticola semicanus*. Повсюду обитает даурский хомячок, особенно многочисленный в каменистых биотопах. Одним из доминирующих видов среди мелких млекопитающих в степях является узкочерепная полевка. Многочислен и повсюду распространен длиннохвостый суслик. Степные хищники представлены многочисленным и всюду встречающимся степным хорем, редким, но идущим до северного конца Хубсугула манулом *Felis manul* и очень редким корсаком *Vulpes corsac*. Есть, конечно, в Хубсугульской котловине и широко распространенные волк, лисица, горноста́й, ласка, барсук *Meles meles*.

В анализе териофауны юга Байкальской впадины особый интерес представляют, на наш взгляд, ее степные элементы. Как степные флора и растительность «островами» вкраплены в тайгу, так и степные виды млекопитающих являются в известной мере инородными в ее фауне. И если формирование лесной фауны впа-

Дины шло в общем русле ее формирования в Прибайкалье, то пути сложения степного териокомплекса имеют свои особенности.

Обстоятельный анализ флоры Байкальской Сибири позволил Г. А. Пешковой (1972) сделать заключение, что в неогене в Восточной Сибири существовала обширная пустынно-степная зона. К плейстоцену в пределах Байкальской Сибири степи еще имели зональное положение. Плейстоценовое похолодание в условиях Байкальской Сибири привело к замещению степных пространств полосой сосновых или лиственничных лесов. Сухость климата в Предбайкалье и условия горного рельефа были причиной сохранения степных участков, приуроченных к депрессиям, впадинам, долинам рек. Отдельные степные острова, разобщенные лесной растительностью, сохранялись по отрицательным элементам рельефа и в эпоху максимального оледенения. Эти островные степи сохранились в том виде, в каком они остались со времени максимального оледенения. Иначе говоря, можно считать островные степи, приуроченные к котловинам Байкальской впадины, полиоценовыми, или раннеплейстоценовыми, реликтами.

Вне всякого сомнения, степи эти должны были иметь соответствующую им фауну, в том числе и фауну млекопитающих.

Поскольку фрагментация степей в Прибайкалье происходила в плейстоцене, можно предположить, что еще в плиоцене и начале плейстоцена степные виды млекопитающих имели возможность распространяться до северных пределов зональных степей. Вероятно, в это время на Ольхоне и в Приольхонье обитал тарбаган, с этого времени сохранились здесь тувинская полевка и монгольская жаба. Исчезновение тарбагана на Ольхоне относится к сравнительно недавнему времени, о чем свидетельствует палеолитический возраст найденных здесь резцов.

Тарбаган в Мондинской котловине, на наш взгляд, не иммигрант из Монголии, а реликт того же возраста, что и на Ольхоне, о чем мы уже писали (Литвинов, Тарасов, 1966).

Загадкой остается причина отсутствия в Тункинской котловине даурского хомячка и узкочерепной полевки. Можно лишь предполагать, что это вторичное явление, т. е. названные виды по каким-то причинам выпали из состава местной степной фауны. Вероятно, они со временем займут в ней свое место. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения является современное распространение длиннохвостого суслика. Отсутствие этого вида в Тункинской долине, о котором писали Б. Дыбовский и В. Годлевский (1872), было или сравнительно кратковременным локальным его исчезновением, или, что более вероятно, глубокой депрессией численности.

Степные элементы териофауны в котловине Хубсугула особенно многочисленны, так как эта котловина и сегодня не утратила

связи с зональными монгольскими степями. Причем некоторые степные виды доходят до самых северных частей котловины. Сказанное касается не только распространенных значительно севернее описываемых мест светлого хоря, даурского хомячка, узкочерепной полевки, длиннохвостого суслика, но и зайцатолая, манула, тувинской полевки, тарбагана. Последний, как уже говорилось, выходит и в Мондинскую котловину. Есть основания полагать, что будет найдена на северных склонах Мунку-Сардыка, в пределах СССР, и тувинская полевка.

О распространении степных полевок рода *Alticola* в Хубсугульской котловине надо сказать особо. На южном конце Хубсугула обитает хангайская полевка — это северная окраина обширного ареала вида в степях Монголии. У северной оконечности озера обитает тувинская полевка. По всей вероятности, ареалы этих двух видов в районе Хубсугула аллопатричны. Является ли тувинская полевка на Хубсугуле изолятом, сейчас сказать нельзя, так как не изучена та часть Монголии, которая лежит между Хубсугулом и Тувой. Если в настоящее время связи хубсугульской части ареала с тувинской его частью нет, то надо думать, что она существовала. Более того, хубсугульская часть видового ареала, равно как и ольхонская, происходит, вероятно, от основной тувинской.

Приведенные материалы позволяют нам сделать вывод, что элементы степной фауны в котловинах юга Байкальской впадины являются фрагментами некогда единой фауны степной Байкальской Сибири и сохраняются в качестве таковых с позднего плиоцена или раннего плейстоцена, т. е. имеют реликтовый характер.

Библиографический список

1. Батраева А. А., Ивельская В. И., Малышев Л. И. и др. Растительный покров//Природные условия и ресурсы Прихубсугулья в МНР. М.: Недра, 1976. С. 114—162.
2. Дыбовский Б., Годлевский В. Материалы для зоогеографии Восточной Сибири//Изв. СО ИРГО. Т. 3. № 1. 1982. С. 81—99.
3. Дылис Н. В., Решиков М. А., Малышев Л. И. Растительность//Пробайкалье и Забайкалье. М., 1965. С. 225—281.
4. Иванов Т. М. Тарбаган в верховьях р. Иркутка//Изв. Иркутского гос. противочумного ин-та Сибири и Д. В. Т. VIII. Иркутск, 1950. С. 123—127.
5. Кожов М. М. Очерки по байкаловедению. Иркутск, 1972. 253 с.
6. Ламакин В. В. Неотектоника Байкальской впадины. М.: Наука, 1968. 244 с.
7. Литвинов Н. И. Новые данные о распространении саянской высокогорной полевки//Изв. Иркутского гос. противочумного ин-та Сибири и Д. В. Т. XIX. Иркутск, 1958. С. 129—130.
8. Литвинов Н. И. Грызуны зоны затопления Иркутского водохранилища//Биологич. сб. Иркутск, 1960. С. 116—124.
9. Литвинов Н. И. Новый подвид серебристой полевки (*Alticola argentatus*, Mammalia, Muridae) с острова Ольхон (Байкал)//Зоологич. журнал. Т. XXXXX. 1960а. № 12. С. 1888—1890.

10. Литвинов Н. И. Особенности фауны наземных позвоночных Ольхона и история ее формирования//Тр. Баргузинского гос. заповедника. Вып. 4. 1962. С. 209—220.

11. Литвинов Н. И. Монгольская жаба на Ольхоне и в Приольхонье// Организация и технология производства в охотничьих хозяйствах Восточной Сибири: Сб. науч. трудов. Иркутск: ИСХИ, 1977. С. 78—79.

12. Литвинов Н. И. Фауна островов Байкала. Наземные позвоночные животные. Иркутск, 1982. 132 с.

13. Литвинов Н. И., Тарасов М. П. Монгольский сурок в Прибайкалье//Охота и охотничье хозяйство. 1966. № 2. С. 21.

14. Литвинов Н. И., Тарасов М. П., Швецов Ю. Г. Материалы по фауне наземных позвоночных Тункинской и Мондинской котловин//Изв. Вост.-Сиб. отдела Географич. общества СССР. Т. 66. С. 65—69.

15. Литвинов Н. И., Васильев Г. И., Ельшанская Н. И. Грызуны Тункинской долины, Прихубсугулья и их эктопаразиты//Экология охотничьих зверей и птиц, технология производства в охотничьем хозяйстве: Сб. науч. трудов. Иркутск: ИСХИ, 1976. С. 23—30.

16. Литвинов Ю. Н. О водяной крысе (*Arvicola terrestris* L.) на побережье оз. Байкал//Фауна Сибири и ее хоз. использование: Сб. науч. трудов. Иркутск: ИСХИ, 1978. С. 44—47.

17. Монахов Г. И. Динамика ареала и численность соболя Восточной Сибири: Автореф. канд. дис. Томск, 1966. 24 с.

18. Петроченко Ю. Н. Растительный покров//Биоценозы островов пролива Малое море на Байкале. Иркутск, 1987. С. 21—64.

19. Пешкова Г. А. Степная флора Байкальской Сибири. М., 1972. 207 с.

20. Прейн Я. П. Материалы к флоре о-ва Ольхон на Байкале//Изв. Вост.-Сиб. отдела РГО. Т. 25. 1894. № 1. С. 16—28.

21. Решиков М. А., Тарасов М. П. Заметки о растительности Торской котловины и прилежащих хребтов//Изв. Иркутского СХИ. Вып. 21. Иркутск, 1962. С. 3—27.

22. Россолимо О. Л., Павлинов И. Я. Видовой состав полевок подрода *Alticola* s. str. (*Rodentia*. *Arvicolidae*)//Съезд Всесоюзного териологического общества: Тезисы докл. Т. 1. М., 1986. С. 92—93.

23. Сафонова А. Д., Некипелов Н. В. Эпидемиологическая разведка на чуму в районе оз. Хубсугул//Международные аспекты эпиднадзора при чуме. Ч. 1. Иркутск, 1975. С. 30—32.

24. Уникальные объекты живой природы бассейна Байкала. Новосибирск: Наука, 1990.

25. Швецов Ю. Г., Литвинов Н. И. Млекопитающие бассейна реки Н. Качергат (Юго-Восточное Предбайкалье)//Изв. ИСХИ. Вып. 25. Иркутск: ИСХИ, 1967. С. 209—223.

26. Швецов Ю. Г., Литвинов Н. И., Моложников В. Н. Териофауна Байкальской котловины и ее районирование//Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их эктопаразитов. Новосибирск, 1975. С. 104—126.

УДК 599.323.4(285.2/571.5)

С. А. Матвейчук

КРАСНАЯ ПОЛЕВКА ОСТРОВНЫХ ПОПУЛЯЦИЙ НА БАЙКАЛЕ

Изучение изолированных популяций представляет особый интерес для эволюционного учения, так как открывает возможность